

**СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМА И АРХЕОЛОГИЯ ЗНАНИЯ –
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М. ФУКО**

Яшин Антон Владимирович

аспирант ПГПУ, г. Пермь

E-mail: yashin.anton@inbox.ru

Особое место среди методологов 20 века занимает французский мыслитель Мишель Фуко. Главной целью своих исследований Фуко ставил выявление исторического бессознательного различных эпох, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая 20 веком. Это толкает его, главным образом, к изучению власти, феномена политического в целом, как универсального вездесущего господства, которое невозможно избежать, и феномена сексуальности, в качестве второго универсального спутника человеческого бытия. Специфика предмета познания детерминирует выбор методологии исследования.

Постструктуралист Фуко использует разнообразнейшую методологию и, опираясь на богатое философское наследие, демонстрирует своеобразный подход к анализу интересующих его вопросов. Фуко оказал огромное влияние на формирование современной методологии научных исследований в аспекте рассмотрения различных дисциплин – культурологии, антропологии, социальной философии, политической эпистемологии.

Вопрос о методологии в представленной статье предполагает, в первую очередь, опору на общефилософскую методологическую базу французского исследователя. Главными аспектами рассмотрения в данном контексте являются проблема современных техник интерпретации. Таким образом, для понимания методологических установок Фуко необходимо рассмотреть его отношение к разного рода методологическим базам, представленным в истории философии.

Каждая культурная форма в западной цивилизации, по мнению Фуко, имеет свою систему интерпретаций, методов и эпистемологических

технологий, позволяющих проникнуть в сущностную составляющую языка, услышать глубинную речь. Анализируя историю интерпретаций, Фуко выделяет три исторически различных типа конфигурации знания или эпистемы (основной упорядочивающий принцип внутри каждой эпистемы — это соотношение «слов» и «вещей»):

1. Ренессансная эпистема (16 век). «В эту эпоху тем, что создавало место интерпретации, будучи одновременно и ее самым общим вместилищем, и той минимальной единицей, с которой она могла оперировать - являлось сходство. Там, где вещи были сходными, там, где нечто походило на нечто другое, - только там что-либо могло быть сказано и затем расшифровано» [4]. Фуко выделяет пять основных видов сходства, характерных для этой эпохи: соответствие, симпатия, параллелизм атрибутов, приметы, аналогия. Язык, характерный для этой эпистемы, ещё не стал независимой системой знаков. В ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы.

2. Классическая эпистема (17 – 18 века). В эпистеме классического рационализма слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно—через мышление, в пространстве представления. Место ренессансного отношения «слово-символ» заменяет отношение «слово-образ».

3. Современная эпистема (с начала 19 века). «В современной эпистеме слова и вещи опосредованы «языком», «жизнью», «трудом», вышедшими за рамки пространства представления (слово — знак в системе знаков). Наконец, в новейшей литературе мы видим, как язык, чем дальше, тем больше, замыкается на самом себе, обнаруживает свое самостоятельное бытие. Слово-символ, слово-образ, слово-знак, слово, замкнутое на само себя, — таковы основные перипетии языка в новоевропейской культуре» [5, с. 11].

Таким образом, Фуко, выделяя смену эпистем в истории развития научного знания, подчеркивает смену парадигм, систем мышления. Он отмечает, что порядок, на основании которого мыслит современный человек имеет другую форму бытия, чем порядок, присущий классической эпохе и эпохе ренессанса. «Эпистему можно понимать как некое поле методологических операций, семиотическое пространство формирования знания – то конструктивное пространство, на котором явления обнаруживают свое бытие для субъекта и его сознания, «утверждают свою позитивность», вступая друг с другом в разнообразные комбинации, допускаемые этой эпистемой» [1, с. 35].

Ключевыми фигурами, связанными с появлением современной эпистемы мышления Фуко называет Ницше, Фрейда и Маркса. В статье «Ницше, Фрейд, Маркс» (1967) он отмечает, что данные фигуры обосновали нам новую возможность интерпретации. «Мне представляется, что Маркс, Ницше и Фрейд не увеличили количество знаков в западном мире. Они не придали никакого нового смысла тому, что раньше было бессмысленным. Однако они изменили саму природу знака, сам способ, которым вообще можно интерпретировать знаки» [4].

Фуко анализирует философские системы трех мыслителей с целью выяснения основных черт современной, порожденной Ницше, Фрейдом и Марксом, герменевтики, новых техник интерпретации.

Начиная с 19 века, начиная с Ницше, Фрейда, Маркса знаки оказались размещены в пространстве, гораздо более дифференцированном с точки зрения глубины. Глубина здесь понимается Фуко в соответствии с философией Ницше, как нечто внешнее, а не внутреннее. Происходит отказ от глубины в качестве бесконечного чистого внутреннего поиска истины (так ее понимали в рационалистической традиции). Глубина теперь предстает исключительно как тайна поверхности. Фуко отмечает, что подобная идея в разной форме

присутствует как у Маркса, так и у Фрейда. Три философа зародили тенденцию к реалистической интерпретации – отличающейся по содержанию от чистой глубины сознания.

Вторая тенденция, отмечаемая Фуко заключается в том, что, начиная с Ницше, Маркса и Фрейда, интерпретация становится бесконечной. Начиная с 19 века, знаки начинают образовывать бесконечную, неисчерпаемую интерпретационную сеть. Виной тому является неустраняемая незавершенность интерпретации, ее всесторонняя открытость. «У Ницше и особенно Фрейда, в меньшей степени - у Маркса, проявляется опыт, который я считаю крайне важным для современной герменевтики: чем дальше мы движемся в интерпретации, тем ближе мы становимся к той абсолютно опасной области, где интерпретация не просто вынуждена повернуть вспять, но где она исчезает как таковая, как интерпретация, вплоть до исчезновения самого интерпретатора. Точка абсолюта, к которой вечно стремится интерпретация, есть в то же время и точка ее разрыва» [4].

Данной ключевой для современной герменевтики стороне соответствуют и поясняют ее еще два принципа.

Интерпретация принципиально никогда не может завершиться, потому что не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков. Таким образом, интерпретация не проясняет нам некий предмет интерпретации, а непосредственно касается другой интерпретации. Герменевтика предписывает нам интерпретировать, не потому что существуют абсолютные глубинные знаки, а потому что существуют интерпретации. Интерпретация в современной герменевтике выступает первичной по отношению к знаку. Знаки - это интерпретации, пытающиеся оправдать себя. Согласно анализу Фуко, именно так функционируют деньги -

согласно «Критике политической экономии» и, особенно, второй книге «Капитала». Именно так функционируют симптомы у Фрейда. У Ницше - и слова, и справедливость, и бинарные противопоставления добра и зла, и, следовательно, знаки - не что иное, как маски.

Последняя черта герменевтики, по Фуко, заключается в том, что интерпретация стоит перед необходимостью бесконечно истолковывать себя саму.

Таким образом, определив четыре основные черты современной техники интерпретации (реализм, бесконечность, незавершенность, рефлексивность), Фуко определяет границы современного мышления, в том числе и границы методологии собственной философской системы. В работе «Слова и вещи» (1966) им были первоначально определены основные контуры новой методологии, получившей название «археология знания». «Археология знания», основанная на современном методе интерпретации выделяет, как было показано выше, выявляет главные структурные связи эпохи. Такая ориентация исследования принципиально отличается от просто исторического анализа развития научной мысли. Здесь научные теории являются вторичными по отношению к их основанию – эпистеме и объектом рефлексии являются не сами научные идеи, а эпистемы – базис, благодаря которому научная мысль приняла ту или иную форму.

Окончательное оформление археологического метода исследования Фуко формулирует в работе «Археология знания» (1969). Одной из целей написания данной работы для Фуко было прояснение вопроса о том, как одна эпистема сменяется другой. Здесь Фуко уже в меньшей степени оперирует понятием эпистемы и обращается к категории дискурсивных практик. Дискурсивные практики – это анонимные исторические правила, которые устанавливают условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного пространства (в его социально-экономических, лингвистических,

географических и прочих аспектах). Набор дискурсивных практик каждой эпохи есть архив. Преемственности архивов, по Фуко, не существует. Момент замыкания дискурсивных практик на себя прерывается и тогда на смену старому приходит новый архив. «Содержательный аспект нового понятия и цель его введения в качестве аналитического принципа... доказать факт разрыва линии исторической преемственности. Иными словами, каждая историческая эпоха обладает ей присущим «архивом», утверждающим свою оригинальность и неповторимость и «аннулирующим» свое происхождение и дальнейшую судьбу: ему на смену придет другой «архив», который так же «забудет» о своем предшественнике» [2, с. 65].

Таким образом, археологический метод Фуко, как уже отмечалось, отличается от классического подхода к истории. Археологический метод, во-первых, обращается к анализу дискурса, как к самодостаточному объекту исследования. Во-вторых, археологический метод максимально отдалается от анализа субъекта истории, так как базовым для акта творчества является дискурс, архив эпохи. В-третьих, археология не ищет истока дискурса в дискурсе предшествующем, так как дискурсивные практики не обладают свойством преемственности.

Список литературы:

1. Аминова А.А., Галиева А.М. Триада слова-идеи-вещи в концепции М. Фуко // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – №2. – С. 32-36.
2. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996 – 253 с.
3. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

4. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Цифровая библиотека по философии [электронный ресурс] – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000551/index.shtml>
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. - СПб.: А-сad, 1994. – 404 с.